

— Ладно, — Янь Сяохань первым уступил. — Я не сомневаюсь в тебе, просто у меня есть вопросы. Когда я поручил людям проверить биографию Му Босю, я узнал, что месяц назад кто-то уже интересовался им. Это первое. Безголовое тело, найденное в деревне Дунван, уже разложилось, и его личность можно было установить лишь по одежде и личным вещам. Но если цель отрубания головы — скрыть личность тела, то почему убийца оставил на нём нефритовое кольцо, которое могло его выдать? Это противоречит логике. Это второе.

— Му Босю изначально служил в гвардии Баотао, а затем был переведён в гвардию Цзиньфу. Я помню, как однажды в прошлом году ты упоминал гвардию Баотао.

Фу Шэнь холодно сказал:

— Господин Янь, ты столько фальшивых дел сфабриковал, что забыл, как нормально расследовать?

— Противоречащий логике не только ты, — продолжил Янь Сяохань. — Юй Цинхэн — твой доверенный человек. В момент, когда армия Бэйянь потеряла своего лидера, ты привёз его в столицу и настоял на проживании в усадьбе. Позволь спросить: в ночь нашей свадьбы все те солдаты армии Бэйянь, которых ты привёз, остались ночевать в усадьбе?

Фу Шэнь не ответил, и было неясно, собирался ли он признать вину или замышлял убийство. Он с каменным лицом ждал продолжения.

— И последнее, — Янь Сяохань сделал паузу, — отношение императора к этому делу тоже странное. Стража Летящего Дракона — глаза и уши императора, её эффективность в расследованиях намного выше, чем у трёх судебных ведомств. Если чиновник убит, даже если это связано с Южной ставкой, нет смысла обходить Стражу Летящего Дракона и поручать министерству наказаний и судебной палате расследовать правду.

— Подобная ситуация уже возникала в деле с посольством Восточных татар. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Если есть что-то, в чём император уже знает правду, он не станет привлекать Стражу Летящего Дракона.

Атмосфера мгновенно накалилась.

— Ну, по крайней мере, ты ещё не совсем тупой.

Напряжённая атмосфера внезапно рассеялась, как вода. Фу Шэнь откинулся назад, расслабив спину в инвалидном кресле, и с лёгкостью улыбнулся:

— Я уже предупреждал тебя однажды, император не так доверяет тебе, как ты думаешь. Будь осторожен, иначе Стража Летящего Дракона скоро развалится.

Янь Сяохань нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты угадал почти всё, — сказал Фу Шэнь. — Тело в деревне Дунван — это уловка самого Му Босю, чтобы скрыться от другой группы преследователей. Что касается моих отношений с ним, это внутренняя тайна армии Бэйянь, и я не могу тебе рассказать, это тебя не касается.

— Продолжать расследование этого дела бесполезно. Единственное, что не так важно, но может быть полезно для тебя, я могу сказать прямо: будь осторожен с гвардией Цзиньфу, у императора есть не только Стража Летящего Дракона.

Стража Летящего Дракона и гвардия Цзиньфу — обе не отличаются добродетельностью, но, будь то из личных или общественных соображений, Фу Шэнь всё же предпочёл бы поддержать Янь Сяоханя. По крайней мере, он знает его хорошо, а вот характер И Сымина не внушает доверия.

Янь Сяохань замер на месте, в его голове пронеслись множество мыслей, которые он быстро упорядочил. Дело касалось существования Стражи Летящего Дракона, и информация, которую раскрыл Фу Шэнь, действительно была для него важной.

Подумав, он серьёзно сказал Фу Шэню:

— Спасибо.

Янь Сяохань действительно не ожидал, что Фу Шэнь предупредит его о делах, связанных со Стражей Летящего Дракона. Даже если в деле Цзиньфу Юньфэна он в конце концов смягчил наказание, это не скрывало того факта, что он предал Фу Шэня ради карьеры. Все эти годы железная кавалерия Бэйянь строго охранялась от Стражи Летящего Дракона, и он всегда думал, что Фу Шэнь особенно ненавидит её.

Однако только что, прямо перед ним, Фу Шэнь сделал исключение.

Он не мог не понимать, насколько важен этот совет, практически равносильный тому, что он сам уничтожил главного врага Стражи Летящего Дракона.

Его мысли были сложны, но Фу Шэнь, казалось, действительно не придавал этому значения и равнодушно сказал:

— Не за что, пустяки.

В тот вечер Янь Сяохань остался ночевать в усадьбе. Фу Шэнь попросил Сяо Сюня найти для него гостевую комнату, а сам пошёл к Ду Лэну сменить повязки. Но, вернувшись в комнату, он обнаружил, что там уже находится человек.

Фу Шэнь:

— Ты зачем здесь?

Янь Сяохань:

— Гостевая комната не убрана, в ней нельзя жить.

Фу Шэнь:

— Чушь, я только вчера велел её убрать.

Янь Сяохань:

— Я не буду жить в гостевой. Мы ведь женаты, почему бы не спать вместе?

Фу Шэнь безжалостно ответил:

— Ты думаешь, я хочу? Кто нас поженил, к тому и иди.

Но Янь Сяохань, кажется, понял, где проходит граница терпения Фу Шэня, и, зная, в каких пределах можно шутить, с драматизмом произнёс:

— С древних времён красавицы живут недолго. Только что ты смотрел на меня, не отрывая глаз, а теперь уже охладел...

Фу Шэнь вздохнул:

— Хватит ныть, как лисица-оборотень, иди постели постель!

От простоты к роскоши перейти легко, а от роскоши к простоте — трудно. Фу Шэнь долго не хотел признавать, что стал избалованным под опекой Янь Сяоханя, но сегодня, когда тот появился, все его неудобства и дискомфорт после переезда в усадьбу словно исчезли.

Сяо Сюнь и Юй Цяотин не были такими внимательными. В тот день, после допроса Му Босю, Фу Шэнь сидел в своей комнате до глубокой ночи, и, почувствовав голод, вышел, чтобы что-то перекусить, но обнаружил, что еда и чай, оставленные в коридоре, уже остыли.

А когда он лечился в резиденции Янь, он, кажется, даже не вспоминал о слове «голод».

Что-то тёплое и мягкое коснулось его губ, и аромат наполнил нос. Затем над головой раздался голос Янь Сяоханя:

— Открой рот.

Фу Шэнь откусил кусочек из его руки. Новый десерт был сладким и рассыпчатым, таял во рту. Он небрежно сказал:

— Слишком сладко.

— Я тоже так думаю, — Янь Сяохань поставил тарелку на стол и налил ему чаю. — Повариха переборщила с сахаром, в следующий раз скажу ей положить меньше.

Фу Шэнь:

— Ты только что заказал это на кухне? Не наелся за ужином?

Янь Сяохань, привычно роясь в шкафу в поисках ночной рубашки, не поднимая головы, ответил:

— Ты слишком мало съел за ужином, перед сном нужно что-то перекусить, чтобы не проснуться голодным.

Фу Шэнь смущённо почесал нос.

— Кстати, ваш лекарь Ду Лэн, он, кажется, не из Центральных равнин?

— Да, — ответил Фу Шэнь. — С юго-запада. А что?

Янь Сяохань:

— Только что посмотрел рецепт, который он тебе выписал. Лекарства отличаются от тех, что используют местные врачи. Я вижу, он специализируется на лечении переломов и повреждений сухожилий, но не уделяет внимания восстановлению. Позже лучше попросить Шэнь Ицэ осмотреть тебя и выписать несколько тонизирующих препаратов, может, даже лечебные блюда... Постоянный приём лекарств портит аппетит, нужно хорошо питаться.

С тех пор, как они поссорились из-за того, что Фу Шэнь не хотел пить лекарства, проблема с его лечением полностью перешла в руки Янь Сяоханя. В этом вопросе у него было абсолютное право голоса, и он был непреклонен. Не будет преувеличением сказать, что если бы Янь Сяохань захотел отравить Фу Шэня, тот, возможно, даже не заметил бы.

Он говорил всё, что приходило в голову, а Фу Шэнь рассеянно отвечал, вдруг поняв, что продолжать такую теплоту было бы неплохо. Эта комната, которая раньше казалась слишком большой, теперь, с появлением Янь Сяоханя, стала в самый раз.

Мягкая одежда упала ему на колени, и Янь Сяохань наклонился, чтобы поднять его с инвалидного кресла:

— Возьми одежду, пойдём мыться.

В усадьбе всё ещё использовали ванну, без ширмы, только с занавеской посередине. Фу Шэнь, свернувшись, сел в ванну, когда вдруг услышал вопрос Янь Сяоханя с другой стороны:

— Кто помогал тебе мыться последние два дня?

Фу Шэнь сразу ответил:

— Сяо Чуншань.

Янь Сяохань, вспомнив, как он обычно помогал Фу Шэню мыться, с опозданием почувствовал ревность:

— Зачем ты решил жить в этой глуши, даже помыться нормально не получается.

Фу Шэнь был совершенно чист. Обычно он просил Сяо Сюня подвезти его к ванной, а сам, опираясь на стену, садился в неё. Только Янь Сяохань мог поднять его, даже Юй Цяотин должен был держаться подальше. Он не понял, что Янь Сяохань ревнует, и недоуменно спросил:

— Ты что, какая-то барышня? Придираешься ко всему.

Янь Сяохань: ...

Он оставил попытки судить о других по себе и через некоторое время смирился, вытащив Фу Шэня из воды и положив его в постель:

— Я принесу лекарство, ты сначала выжми волосы... А?

Фу Шэнь вдруг схватил его за воротник, сильно потянул к себе и, подняв палец, приподнял угол его губ.

— Впредь буду позволять поднимать себя только тебе. Если тебя нет, я не буду мыться. Хватит ревновать, ладно?

Янь Сяохань сначала опешил, а затем инстинктивно схватил его руку.

<http://bllate.org/book/15271/1347970>